

<https://doi.org/10.18500/0320-961X-2021-20-99-124>.

Античный мир и археология. 2021. Вып. 20. С. 99–124.

Ancient World and Archaeology. 2021. No. 20. Pp. 99–124.

<https://ama.sgu.ru/ru>

Научная статья

Article

УДК 930(37+38)+929 Марк Антоний +929[Цицерон+Плутарх+Николай Дамасский]

ВТОРАЯ «ФИЛИППИКА» ЦИЦЕРОНА И ОБРАЗ МАРКА АНТОНИЯ У АНТИЧНЫХ АВТОРОВ

Е.В. Смыков

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», 410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83.

Смыков Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира, smykov61@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2475-2138>.

Аннотация: в статье рассматривается влияние второй «Филиппики» Цицерона на формирование образа Марка Антония в сочинениях античных авторов, в первую очередь Плутарха. С одной стороны, памфлет Цицерона давал богатый материал для характеристики личных качеств Антония, который был широко использован в дальнейшем. Однако, с другой стороны, материал этот подвергся значительному редактированию, в ходе которого был смягчен важный для Цицерона политизированный обличительный пафос, и поведение Антония получило оценку с точки зрения общепринятых моральных норм. Кроме того, сравнение рассказа Цицерона и зависимой от него традиции о попытке возложить диадему на голову Цезаря во время Луперкалий с рассказом Николая Дамасского показывает, что редактирование материала было двойным: не только авторы, которые опирались на Цицерона, перерабатывали его рассказ, но и сам Цицерон препариовал факты, умалчивая о тех деталях событий, которые было невыгодно вспоминать с политической точки зрения.

Ключевые слова: Цицерон, «Филиппики», Плутарх, Николай Дамасский, Марк Антоний, Цезарь, Луперкалии, диадема.

Для цитирования: Смыков Е.В. Вторая «Филиппика» Цицерона и образ Марка Антония у античных авторов // Античный мир и археология. 2021. Вып. 20. С. 99–124. <https://doi.org/10.18500/0320-961X-2021-20-99-124>.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

THE SECOND “PHILIPPIC” OF CICERO AND THE IMAGE OF MARK ANTONY IN THE ANCIENT AUTHORS WORKS

E.V. Smykov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia.

Smykov Evgeniy Vladimirovich, smykov61@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2475-2138>.

Abstract: the article examines the influence of Cicero’s second “Philippic” on the formation of the image of Mark Antony in the writings of ancient authors, primarily Plutarch. On the one hand, Cicero’s pamphlet provided rich material for the characterization of Antony’s personal qualities, which was widely used in the later sources. However, on the other hand, this material underwent significant editing, during which the politicized accusatory pathos important for Cicero was

softened, and Antony's behavior was evaluated from the point of view of generally accepted moral norms. In addition, a comparison of Cicero's story and the tradition dependent on him about the attempt to put a diadem on Caesar's head during the Lupercalia with the story of Nicholas of Damascus shows that the editing of the material was double: not only the authors who relied on Cicero reworked his story, but Cicero himself dissected the facts, keeping silent about those details of events that were unprofitable to recall from a political point of view.

Keywords: Cicero, "Philippics", Plutarch, Nicholas of Damascus, Mark Antony, Caesar, Lupercalia, diadem.

For citation: *Smykov E.V.* The second "Philippic" of Cicero and the image of Mark Antony in the ancient authors works. *Ancient World and Archaeology*. 2021. No. 20. Pp. 99–124 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/0320-961X-2021-20-99-124>.

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

1. Политическая и частная жизнь Антония: чем возмущаются Цицерон и Плутарх

Нет, пожалуй, другого античного автора, который оказал бы столь большое влияние на формирование наших представлений об античности, как Плутарх. Это объясняется как высокими литературными достоинствами его сочинений, так и тем, что он был одним из самых эрудированных авторов древности. Подсчитано, что в «Сравнительных жизнеописаниях» он цитирует не менее 150 историков, в том числе 40 писавших на латинском языке, а для биографий, относящихся к периоду поздней Республики использует более 60 авторов¹. Именно это обстоятельство делает Плутарха столь ценным для нас, особенно после того, как в общем и целом было признано, что при написании биографий он пользовался не каким-либо одним источником, а несколькими, компилируя их данные в соответствии со своими философскими и моральными установками². Как справедливо отмечал Ф. Штадтер, «хотя Плутарх не был историком в первую очередь, и определенно никогда не был историком критического склада (*a critical historian*) в современном смысле, он считал, что характер человека можно понять через его действия, и сочетал этот моральный интерес с глубокой любовью к своему эллинскому прошлому, утвердив себя таким образом как одного из великих интерпретаторов классической античности»³.

Однако признание многочисленности использованных Плутархом источников особенно остро поставило вопрос о методах его работы с материалом и соотношении исторического материала и художественного

¹ Бокщанин А.Г. Источниковедение Древнего Рима. М., 1981. С. 76; Кошеленко Г.А. Греция и Македония эллинистической эпохи // Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма): Учебное пособие / В.И. Кузищин(ред.). М., 1982. С. 101.

² Обобщенную оценку Плутарха как источника, которая установилась к 80-м годам XX в., см.: Кошеленко Г.А. Указ. соч. С. 101–102.

³ Stadter Ph. Plutarch's Historical Methods: An Analysis of the *Mulierum Virtutes*. Cambr. (Mass.), 1965. P. 140.

вымысла в его произведениях. В итоге стало очевидным, что зачастую писатель Плутарх берет верх над историком, а потому события могут по воле автора хронологически «сжиматься» или меняться местами, поступки одного персонажа приписываться другому, а детали событий могут просто изобретаться автором⁴. Положение усугубляется еще тем, что в большинстве случаев сочинения, которые послужили Плутарху источниками, до нас не дошли, и нам сложно судить, насколько он достоверен в деталях, особенно если первоисточник сообщения сам по себе тенденциозен.

И все-таки иногда у нас появляется возможность составить об этом некоторое суждение, и одним из примеров этого является биография Марка Антония. В ней Плутарха меньше всего интересует изложение событий в строгом хронологическом порядке, внимание сконцентрировано на личности главного героя⁵. При всем том материал он черпал из сочинений современников и участников событий – Квинта Деллия, Азиния Поллиона, Николая Дамасского, возможно, из «Деяний божественного Августа» и т.д.⁶ Совершенно особое место среди его источников принадлежит «Филиппикам» Цицерона, которые, в отличие от сочинений всех прочих авторов, дошли до нас полностью, а значит, дают возможность оценить, насколько Плутарх следовал источнику или вольно обращался с ним.

Влияние Цицерона чувствуется постоянно. Плутарх может, сославшись на него, изложить своими словами его мысль⁷, или использовать его характеристики, сместив их хронологически. Так, Цицерон говорит о том, что Антоний купил с торгов имущество Помпея Великого, а затем очень быстро промотал его в кутежах, так что, по словам оратора, спальни превратились в притоны, столовые в харчевни (*pro cubiculis stabula, pro conclavibus popinae sunt*) (Cic. Phil. II.69)⁸. Описание кутежей, которые здесь происходили, занимает у него несколько параграфов (64–69) и относится к тому времени, когда Антоний управлял делами в Италии в отсутствие Цезаря. Плутарх значительно сокращает это описание и переносит его на время второго триумвирата и проскрипций – на толпу соучастников распутной жизни Антония «уходили чуть ли не все деньги, добывавшиеся ценою жесточайших насилий» (Plut. Ant. 21).

⁴ О методах работы Плутарха с источниками см.: Pelling C.B.R. Plutarch's Method of Work in the Roman Lives // JHS. 1979. Vol. 99. P. 74–96; *idem*. Plutarch's Adaptation of His Source-Material // JHS. 1980. Vol. 100. P. 127–140.

⁵ Pelling C.B.R. Plutarch's Adaptation... P. 138.

⁶ Об источниках Плутарха в биографии Антония см.: Pelling C.B.R. Introduction // *Plutarch. Life of Antony* / C.B.R. Pelling (ed.). Cambr., 1988. P. 26–31.

⁷ Ср.: «Как Елена для троянцев, так Марк Антоний для нашего государства стал причиной войны, мора и гибели» (Cic. Phil. II.55); «Цицерон в «Филиппиках» пишет, что Троянскую войну развязала Елена, междоусобную – Антоний» (Plut. Ant. 6.1).

⁸ Здесь и далее вторая Филиппика и письма Цицерона цитируются в переводе В.О. Горенштейна, биография Антония – в переводе С.П. Маркиша.

Итак, хронология в данном случае подчинена художественному замыслу автора, который, видимо, посчитал, что о разгульной жизни Антония в более ранний период уже сказано достаточно (ее обобщенное описание дается в Ant. 9.5–9, тоже на основе второй «Филиппики») и потому решил усилить негативную характеристику поведения Антония в конце 43 – начале 42 г.: он, оказывается, был более всех виноват в творившихся в Риме злодеяниях, так как был старше Октавиана и могущественнее Лепида, он вернулся к прежней разгульной жизни, едва оправившись от пережитых бедствий, наконец, на то, чтобы оплатить эту жизнь, шло имущество, конфискованное у проскрибированных. Характерно, что о самих проскрипциях Плутарх говорит здесь очень бегло, как, впрочем, и в биографии Цицерона (Cic. 46.2–6) – его не интересует ни более широкий исторический фон, ни драматические подробности «царства террора».

Все эти особенности обработки материала нужно иметь в виду, когда речь идет об использовании произведений Плутарха как источника информации о ранней биографии и карьере Марка Антония. Присмотримся к его рассказу внимательнее.

Первые сведения об участии Антония в политической жизни, которые приводит Плутарх, – это рассказ о его близости с такими одиозными фигурами, как Клодий и Курион: «Антоний в юности был необычайно красив, и потому с ним не замедлил сблизиться Курион, чья дружба оказалась для молодого человека настоящей язвой, чумой. Курион и сам не знал удержу в наслаждениях, и Антония, чтобы крепче прибрать его к рукам, приучил к попойкам, распутству и чудовищному мотовству, так что вскорости на нем повис огромный не по летам долг – двести пятьдесят талантов. На всю эту сумму за друга поручился Курион, и когда о поступке сына узнал Курион-отец, он запретил Антонию переступать порог его дома. На короткое время Антоний оказался в числе единомышленников Клодия (συνιστάμενους ἐπὶ τὸν Κλώδιον), самого наглого и гнусного из тогдашних вожаков народа. Люди Клодия привели в смятение все государство, и Антоний, быстро пресытившись бешенством их главаря, а к тому же и страшась его врагов, которые уже соединяли свои силы, уехал из Италии в Грецию, чтобы там телесными упражнениями приготовить себя к службе в войске и изучить ораторское искусство» (Plut. Ant. 2.4–7).

Поскольку это повествование явно опирается на вторую Филиппику⁹, т.е. на свидетельство современника событий, оно в основном принимается без критики и служит основанием для выяснения политических симпатий молодого кутилы. Так, В. Друманн указывал на то, что к сближению Антония с Клодием привела жажда отомстить за казнь его отчима, П. Лентула Суры¹⁰; А. Вейгал уже в заголовок главы

⁹ Pelling C.B.R. Commentary. P. 118; Le Vite di Demetrio e di Antonio / L.S. Amantini et al. Milano, 1995. P. 375.

¹⁰ Drumann W., Groebe P. Geschichte Roms in seinem Übergange von der republickanischen zur monarchischen Verfassung oder Pompeius, Caesar, Cicero und ihre Zeitgenossen. B., 1899. Bd. 1. S. 65.

выносит слова «вступление Антония в политику на стороне демократов», а затем говорит о его тесной связи с Клодием и его активном участии в акциях этого знаменитого демагога¹¹; Э. Хьюзар рисует предположительную картину политической молодости Антония, гипотетически включая его в круг молодежи, собиравшейся вокруг Катилины, указывая, что он вполне мог участвовать в разрушении дома Цицерона и т.д.¹²

Но так ли уж велико значение политики в рассказе Плутарха? Его значительная часть посвящена повествованию о распутстве, которому Антоний предавался в обществе Куриона, причем последний выступает как совратитель, сбивший Антония с истинного пути. Однако в этом можно усомниться. П. Сазерн справедливо указывает, что Антония не нужно было подталкивать к разгульной жизни, а обвинения в гомосексуальной связи являлись стандартным ораторским приемом, который и сам Антоний использовал против Октавиана в 44 г., обвиняя его в связи с Цезарем¹³. Что касается политики, то о ней Плутарх говорит одной фразой – «Антоний оказался в числе единомышленников Клодия», не уточняя, что это значит. И тут самое время обратиться к первоисточнику – речи Цицерона.

Пропорции в ней соблюдены примерно такие же, т.е. отношениям Куриона и Антония отведено значительно больше места, чем всему остальному (Cic. Phil. II.44–46), причем оратор делает гораздо больший по сравнению с Плутархом упор на эротические моменты¹⁴. Естественно, у нас эти обвинения особого доверия не вызывают, но в руках оратора это было грозное оружие. Отношениям Антония с Клодием в речи уделено намного меньше внимания: «Во время трибуната Клодия

¹¹ Weigall A. The Life and Times of Marc Antony. N.Y., 1921. P. 86, 101–102.

¹² Huzar E.G. Mark Antony. A Biography. Minneapolis, 1978. P. 25–26. Наиболее подробно мысль о политической связи Антония и Клодия и о том, что он являлся политическим наследником этого харизматичного демагога, разработана в статье: Welch K.E. Antony, Fulvia and the Ghost of Clodius in 47 B.C. // G&R. 1995. Vol. 42. No. 2. P. 182–201. При этом, по мнению автора, Антоний и Фульвия даже готовились в 47 г. «перехватить» власть у Цезаря и действовали, исходя из того, что Цезарь уже не вернется в Италию, а если вернется, то они смогут его устранить (интересно, каким образом?) (ibid. P. 188). Естественно, никаких надежных оснований для таких выводов источники не дают.

¹³ Southern P. Antony and Cleopatra. Cheltenham, 2007. P. 28–29. Д. Трайна, однако, пытается подвести под поведение Антония рациональную базу. По его мнению, Антоний был адептом эллинистической практики симпозиа, ценить которую он научился в Греции, и мода на которую распространилась также в Риме. В греческом мире симпосий был важным элементом социализации, это же относится и к его римской версии – в гедонистической обстановке банкетов в Риме или на загородных виллах зарождались дружеские отношения и союзы, и принимались важные решения (Traina G. Marco Antonio. Roma; Bari, 2003. P. 10). С такой интерпретацией вряд ли можно согласиться, хотя бы потому, что Антоний был еще в таком возрасте, когда ни о каких важных решениях речь идти не могла; да и полезные связи в Риме завязывались не на «гедонистических банкетах», а при помощи браков, совместной службы и т.п.

¹⁴ Pelling C.B.R. Commentary. P. 118.

Антоний... был его близким другом (*intimus erat*). Он был его факелом при всех поджогах (*eius omnium incendiorum fax*), а в доме самого Клодия он уже тогда кое-что затеял» (Cic. Phil. II.48). К этой довольно неопределенной фразе восходят слова Плутарха – но вновь возникает естественный вопрос: чем оратор может подтвердить свое утверждение? Участие в делах Клодия, конечно, было компрометирующим обстоятельством, со времени его гибели прошло слишком мало времени, чтобы все забылось. Однако краткость этого упоминания настораживает – если бы Антоний действительно играл какую-то более или менее значительную роль при Клодии, Цицерон не упустил бы случая сказать об этом подробно, сведя вместе двух своих заклятых врагов¹⁵. Видимо, это был лишь кратковременный эпизод биографии будущего триумвира; его заметили среди клодианцев, но никаких более конкретных фактов против него не имелось.

При сравнении соответствующих мест Плутарха и Цицерона обнаруживается еще один любопытный момент. Плутарха совершенно не заинтересовал обличающий пафос Цицерона при упоминании об участии Антония в экспедиции Габиния в Египет. Оратор обличает его за то, что он отправился туда «наперекор суждению сената, вопреки интересам государства и религиозным запретам» (Cic. Phil. II.48: *contra senatus auctoritatem, contra rem publicam et religiones*) – биограф изображает его действия в героическом свете.

Это, конечно, мелочь, но в ней отражается важная особенность повествования Плутарха: в своей передаче извлеченного из Цицерона фактического материала он концентрирует внимание на поступках Антония, совершенно при этом не интересуясь их специфически римским контекстом. В итоге его герой получается в какой-то мере «общечеловеком» – мы точно так же осуждали бы его пороки, к какой бы он эпохе не относился, а то, что вызывало возмущение у Цицерона остается за кадром. Так, в девятой главе биографии Антония Плутарх дает яркую картину того, что Д.В. Панченко именует «демонстративным беспутством» Антония¹⁶. Начинает он с того, что можно, вслед за Катуллом, назвать *ritores senum severiorum*: «Что же касается порядочных и разумных граждан, то им... был противен весь образ жизни Антония, – им внушало омерзение и его безобразное пьянство, и возмутительное расточительство, и нескончаемые забавы с продажными бабенками, и то, что днем он спал или бродил сам не свой с похмелья, а ночами слонялся с буйными гуляками, устраивал театральные представления и веселился на свадьбах шутов и мимов» (9.5). Но вот автор переходит к конкретике. «Рассказывают, что однажды он пировал на свадьбе у мима Гиппия и пил всю ночь напролет, а рано поутру народ позвал его на форум, и он, явившись с переполненным желудком, вдруг стал блевать, и кто-то из друзей подставил ему свой плащ» (9.6). Под неопределенным «рассказывают» здесь вновь скрывается Цице-

¹⁵ Pelling C.B.R. Commentary. P. 119.

¹⁶ Панченко Д.В. Римские моралисты и имморалисты на исходе республики // Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры. М., 1990. С. 79.

рон, и его рассказ, в деталях даже еще более отвратительный, вновь акцентирован иначе. Оратор обличает: «На свадьбе у Гиппия ты, обладающий такой широкой глоткой, таким крепким сложением, таким мощным телом, достойным гладиатора, влил в себя столько вина, что тебе на другой день пришлось извергнуть его на глазах у римского народа. Как противно не только видеть это, но и об этом слышать! Если бы это случилось с тобой во время пира, – ведь огромный размер твоих кубков нам хорошо известен – кто не признал бы этого срамом? Но нет, в собрании римского народа, исполняя свои должностные обязанности, начальник конницы, для которого даже рыгнуть было бы позором (курсив мой. – Е.С.), извергая куски пищи, распространявшие запах вина, замарал переднюю часть своей тоги и весь трибунал!» (Phil. II.63).

Само по себе пьянство, хотя и противоречило *mores maiorum*, преступления не составляло; его последствия, учитывая простоту римских застольных нравов, где извержение пищи во время пиршества было делом обычным, тоже никого бы не удивили, хотя Цицерон справедливо утверждает, что это было бы признано срамом¹⁷. Но вот то, что это произошло во время исполнения должностных обязанностей, было действительно вопиющим нарушением приличий. Плутарх этого пафоса не понимал, у него все выглядит как бытовое происшествие.

Описывая кутежи своего героя, биограф рассказывает: «Среди самых влиятельных его приближенных были и мим Сергей, и возлюбленная Антония – бабенка из той же труппы, по имени Киферида; объезжая города, Антоний возил ее за собою в носилках, которые сопровождала свита, не меньшая, чем при носилках его матери. Взор римлян оскорбляли и золотые чаши, которые торжественно несли за ним, словно в священном шествии, и раскинутые при дороге шатры, и роскошные завтраки у реки или на опушке рощи, и запряженные в колесницу львы, и дома достойных людей, отведенные под квартиры потаскухам и арфисткам. И все возмущались и негодовали, что тем временем, как сам Цезарь, за пределами Италии, ночует под открытым небом и ценою огромных трудов и опасностей гасит последние искры войны, в это самое время другие, пользуясь властью, которою их облек Цезарь, утопают в роскоши и глумятся над согражданами» (9.7–9).

То, что рассказ этот опирается как на источник на речь Цицерона – несомненно. Плутарх собирает вместе детали, взятые из ее разных мест – так, мим Сергей упоминается в Phil. II.62, хотя о влиятельности его Цицерон ничего не говорит; «дома достойных людей, отведенные под квартиры потаскухам и арфисткам» появились под влиянием описания распутств в приобретенном Антонием доме Помпея в Phil. II.66 и т.д. Однако интереснее те детали, которым он не находит места в своем тексте. «Слыхано ли, чтобы на земле когда-либо были возможны такие гнусности, такая подлость, такой позор (*tantum*

¹⁷ Яркий образец осуждения застольных излишеств см.: Cic. Fin. II.23 (здесь описание находится в контексте обсуждения философского вопроса, а потому более сдержанно и лишено обличительного пафоса).

flagitium... , tantam turpitudinem, tantum dedecus)? Разъезжал на двуколке (*in essedo*) народный трибун; ликторы, украшенные лаврами, шли впереди; между ними в открытых носилках несли актрису, которую почтенные жители муниципиев, вынужденные выходить из городов навстречу ей, приветствовали, называя ее не ее известным сценическим именем, а Волумнией. За ликторами следовала повозка со сводниками (*raeda cum lenonibus*) – негоднейшие спутники! Подвергшаяся такому унижению мать Антония сопровождала подругу своего порочного сына, словно свою невестку. О, несчастная женщина, чье чрево породило эту пагубу!» – пишет Цицерон (Phil. II.57–58).

Сразу бросается в глаза очень резкая оценка – подлость, гнусность, позор. Чем она вызвана? И тут стоит обратить внимание, что у Цицерона нет ни золотых чаш, ни шатров, ни завтраков у реки и т.п. Он обличает совсем другое: плебейский трибун, который в сопровождении ликторов разъезжает на двуколке, да еще между ликторами находится актриса-вольноотпущенница! С учетом этого вся сцена приобретает совершенно иной смысл. Абсурдным было уже то, что народный трибун разъезжал на легкой колеснице – слово *esseduum* означало не только просто легкую колесницу, но и военную колесницу варваров¹⁸; таким образом, трибун, по своим обязанностям весьма далекий от войны, уподобился воинственному варвару. Более того, этот воинственный вид усугублялся ликторами. Здесь Цицерон, вероятно, сознательно доводит ситуацию до абсурда – сначала он подчеркивает, что Антоний был плебейским трибуном, а потом говорит про ликторов, так что тот, по остроумному замечанию У.К. Лэйси, выглядит как «лейтенант с эскортом генерала»¹⁹. На самом деле эти ликторы сопровождали его как *tribunus plebis pro praetore*²⁰, но оратор делает упор только на статусе трибуна, которому ликторы не полагались.

Далее абсурд нарастает: среди ликторов находятся открытые носилки с актрисой, за ними следует повозка со сводниками. Интересно, что в последней детали Цицерон и Плутарх расходятся – у последнего говорится о запряженных в колесницу львах. Утверждение довольно странное, хотя его подкрепляет авторитет Плиния Старшего, по словам которого Антоний первым из римлян запряг львов в колесницу после битвы при Фарсале (NH. VIII.55). При этом странным кажется даже не столько сам этот факт, сколько то, что Цицерон, красочно расписывая моральный облик своего врага, упускает такую колоритную деталь, как запряженные в колесницу львы, хотя, вероятно, рассказ Плиния восходит именно к его описанию. Версия Плутарха была подхвачена исследователями – она очень хорошо встраивалась в

¹⁸ Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М., 1976. С. 378, s.v.

¹⁹ Cicero: Second Philippic Oration / W.K. Lacey (ed.). Warminster, 1986. P. 200.

²⁰ Broughton T.R.S. The Magistrates of the Roman Republic. Atlanta, Georgia, 1986. Vol. 2. P. 260.

представления о стремлении Антония подражать сперва Гераклу, а затем Дионису²¹. Однако впору задать вопрос: а были ли львы?

У Цицерона львы тоже однажды упоминаются в связи с Антонием – в письме от 7 мая 49 г. он написал Аттику загадочную фразу: «Львов Марка Антония не опасайся» (*tu Antoni leones pertimescas cave*) (Att. X.13.1)²². Эту фразу соотносят с сообщением Плиния и с рассказом Плутарха и считают, что она подтверждает рассказ о львах²³. Однако обратим внимание на ее контекст. Непосредственно за словами о львах Цицерон иронически возносит хвалу Антонию (*nihil est illo homine iucundius*), а затем рассказывает о том, как тот обошелся с должностными лицами из муниципиев: «Обрати внимание на деяния государственного мужа: он вызвал письмом из муниципиев десять старшин и кваттуорвиров; они прибыли в его усадьбу рано утром; сначала он спал до третьего часа; затем, когда его известили, что прибыли неаполитанцы и куманцы (ведь на них Цезарь и разгневан), он велел им прийти на другой день – он хочет помыться и справиться с поносом» (*ibid.* Курсивом выделены слова, написанные в оригинале по-гречески). Здесь и речи нет о беспутном поведении Антония, не считая слов о расстройстве желудка. Запряженные в колесницу львы как-то не вяжутся с этим приниженно-бытовым тоном письма Цицерона.

Я бы осторожно предположил, что здесь могла быть игра слов со стороны великого оратора и/или ошибка переписчиков, сделанная еще в древности. Наверняка намек, который содержался в словах Цицерона, был так же непонятен в древности, как неясен он нам, и это могло послужить источником неверного понимания или ошибки. В «Филиппике» нет речи о львах (*leones*), но зато говорится о сводниках (*lenones*). Может быть, когда Цицерон писал Аттику, он играл созвучием этих слов? Может быть, «львы Марка Антония» – это распутники из его свиты, о которых говорится в «Филиппике»? Не стали ли здесь и Плиний с Плутархом жертвами неверного понимания слов оратора? Или переписчик пропустил букву? Ответа на эти вопросы мы не получим.

²¹ См., напр.: *Huttner U. Marcus Antonius und Heracles // Ch. Schubert, K. Brodersen (Hgs.). Rom und der griechische Osten: Festschrift für Hatto H. Schmitt zum 65. Geburtstag. Stuttgart, 1995. S. 103–112; Ijalba Pérez P. La familia Antonia descendiente de Antón, hijo de Heracles: la manipulación de un mito // Studia Historica. Historia Antigua. 2009. Vol. 27. P. 177–186. Стоит, однако, отметить, что само по себе упоминание льва не является свидетельством в пользу связи Антония с Гераклом, атрибутом которого все-таки являлась львиная шкура, а сам он выступал как победитель и убийца этого свирепого хищника. См. об этом: *Michel D. Alexander als Vorbild für Pompeius, Caesar und Marcus Antonius. Archäologische Untersuchungen. Bruxelles, 1967. S. 117.**

²² Фраза тем более загадочна, что она двусмысленна. К. Пеллинг, например, интерпретирует ее противоположным образом: «В 49 г. Цицерон неопределенно предупреждает Аттика “остерегаться львов Марка Антония”» (*Pelling C.B.R. Commentary. P. 139.*)

²³ *Pelling C.B.R. Commentary. P. 139; Le Vite di Demetrio e di Antonio. P. 389.*

Впрочем, иногда Плутарх более снисходителен к своему персонажу. В 10 главе биографии он рассказывает о браке Антония и Фульвии, причем последняя выступает как более сильная сторона, которая приучила его повиноваться женщинам и тем подготовила к будущему подчинению Клеопатре. Однако «и ее Антоний пытался расшевелить своими шутками и мальчишескими выходками (προσπαίζων καὶ μαιρακλεύόμενος). Как-то раз, после победы Цезаря в Испании, Антоний в числе многих других выехал ему навстречу, но затем по Италии внезапно пронесся слух, будто Цезарь убит и враги приближаются, и он повернул обратно. Прибывши в Рим, он переделся в рабское платье (θεράπωντος ἐσθῆτα) и среди ночи явился к себе в дом с сообщением, что привез Фульвии письмо от Антония. Закутанного с ног до головы в плащ, его провели к Фульвии, и та, вне себя от волнения, первым делом спросила, жив ли Антоний. В ответ он молча протянул ей письмо, а когда она распечатала его и начала читать, обнял и поцеловал жену» (Plut. Ant. 10.7–9).

Итак, перед нами довольно романтическая история проверки чувств супруги при помощи переодевания и появления в своем доме неузнанным. Для драматизации ситуации Плутарх сместил события – Антоний отправляется встречать Цезаря, возвращающегося после победы при Мунде (середина марта 45 г.), а затем, при получении известия о его гибели, оказавшегося ложным, о котором, кстати, не сообщает ни один другой источник, возвращается в Рим. При этом говорится о том, что он отправился встречать его вместе со многими другими; однако в начале следующей главы еще раз описывается множество сенаторов, отправившихся навстречу победителю. Антоний здесь не только находится в числе встречающих, но и в виде особой почести получает от Цезаря место на одной колеснице с ним самим (11.1). Однако эти события произошли лишь в конце лета – начале осени 45 г. Описанная же Плутархом поездка была раньше, и вернулся Антоний не из-за слухов о смерти Цезаря, а опасаясь конфискации имущества его поручителей, поскольку он не заплатил полностью за приобретенный им на аукционе дом Гнея Помпея Великого (Cic. Att. XII.18a.1; Phil. II.78).

Таким образом, в побудительных мотивах Антония не было ничего политического, он приехал в Рим по сугубо частному делу, но и тут Цицерон находит повод для обвинений, и «мальчишеская выходка» дает основания для упреков, которые Плутарху показались неинтересными. Первый такой упрек связан с одеждой Антония, которую Плутарх, видимо, для большего драматизма, именует «рабской». На самом деле эта одежда явно не была рабской, но и не соответствовала достоинству римского сенатора. Отвечая на выпады Антония против него за неожиданное возвращение, оратор пишет: «Но ты спрашивал, каким образом я возвратился. Во-первых, при свете дня, а не в потемках; во-вторых, в башмаках и тоге, а не в галльской обуви и дорожном плаще» (Cic. Phil. II.76). Стало быть, по мнению Цицерона, Антоний унижил себя этим тайным ночным приездом и дорожной одеждой, несомненно, более удобной в пути, чем башмаки-кальцеи и

тога, но недопустимой для сенатора в Вечном Городе²⁴. Плутарху такое отношение было не вполне понятно – у греков не было столь строгого деления одежды на официальную и неофициальную, как у римлян²⁵, а потому он использовал более понятное его греческим читателем определение одежды, не соответствующей высокому статусу человека.

Дальнейший рассказ тоже отличается от того, что говорит Плутарх: «Но обратите внимание на его низость. Приехав приблизительно в десятом часу в Красные Скалы, он укрылся в какой-то корчме и, прячась там, пропьянствовал до вечера. Быстро подъехав к Риму на тележке, он явился к себе домой, закутав себе голову. Привратник ему: “Ты кто?” – “Письмоносец от Марка”. Его тут же привели к той, ради кого он приехал, и он передал ей письмо. Когда она, плача, читала письмо (ибо содержание этого любовного послания было таково: у него-де впредь ничего не будет с актрисой, он-де отказался от любви к той и перенес всю свою любовь на эту женщину), когда она разрыдалась, этот сострадательный человек не выдержал, открыл лицо и бросился ей на шею» (Cic. Phil. II.77). Таким образом, здесь нет ни волнения, ни вопроса о том, жив ли Антоний, а есть сценка, достойная комедии положений, вполне бытовая и невинная – если бы она не была связана с Антонием. Но, поскольку речь идет о нем, оратор пылает праведным гневом: «Итак, именно для того, чтобы она неожиданно увидела тебя, Катамита, когда ты вдруг откроешь себе лицо, ты и перепугал ночью Рим и на много дней навел страх на Италию?» (ibid.). Почему ночное появление Антония должно было перепугать Рим и навести страх на Италию, оратор не поясняет, да и был ли этот страх? Вряд ли Антоний мог перепугать Рим ночью – кто вообще видел его приезд, кто мог узнать в каком-то человеке в дорожной одежде, если не узнал даже привратник в собственном доме? Все это для Цицерона не важно, его цель – придать общественное значение частному поступку, любой це-

²⁴ Красноречиво свидетельство на этот счет Авла Геллия, жившего гораздо позже: «Тит Кастриций, знаток риторической науки, который был в Риме первым среди ораторов и преподавателей, человек очень авторитетный и значительный, а также весьма уважаемый божественным Адрианом за свой образ жизни и знание литературы, однажды в моем присутствии – ведь я у него учился, – увидев, что некоторые из его учеников, принадлежащих к сенаторскому сословию, одеты в праздничный день в туники и лацерны и обуты в галльские сандалии, сказал: “Я вообще-то предпочел бы видеть вас одетыми в тогу; если же вам это в тягость, по крайней мере, подпоясанными и в пенуле. Но если подобное ваше одяние простительно, так как многие его носят, то прогуливаться по городским улицам обутыми в сандалии, вам, сенаторам римского народа, никоим образом не подобает» (Gell. XIII.22.1. Пер. А.Г. Грушевого).

²⁵ Ср. оценку Х. Бланка, которую цитирует Г.С. Кнабе: «В Греции одежда была чем-то личным и бытовым в собственном смысле слова, то есть в рамках общепринятой моды каждый одевался по своему вкусу и своим возможностям; когда римлянин появлялся в обществе, его одежда определялась не только весьма жестким обычаем, но и законодательными установлениями» (цит. по: Кнабе Г.С. Древний Рим – история и повседневность. М., 1986. С. 96).

ной создать максимально негативный образ своего врага, и он использует для этого любую возможность.

Что же получается в итоге? Пользуясь материалами, которые дает Цицерон, Плутарх значительно изменяет расставляемые им акценты. Если оратора и интересуют личные качества Антония, то исключительно как доказательства его испорченности, опасности для общества в большом (стремление к тирании) и в малом (постоянное демонстративное нарушение общепринятых норм поведения), т.е. в конечном счете обвинения политического характера. Это слишком мелко для задач, которые ставит перед собой Плутарх. Он тоже предвзят, и не скрывает это уже в первых строках жизнеописания Деметрия, греческого соответствия Антонию: «Мы... убеждены, что мы будем с большим жаром созерцать жизнь лучших людей и подражать ей, если не оставим без исследования жизнь людей дурных и порицаемых» (Plut. Dem. 1.6. Пер. С.П. Маркиша). Согласно меткому замечанию С.С. Аверинцева, сходство судеб Деметрия и Антония «логически выводится из общности нравственного облика»²⁶. Что касается этого нравственного образа, то, с одной стороны, оба героя являют «оттапливающий образец порочности», а с другой, Плутарх находит в них «некое душевное величие, черты которого особо подчеркивает по ходу рассказа» и которое «не имеет чисто нравственного значения в строгом смысле... Речь идет не только о грубой силе, о чисто внешней власти, но также и о какой-то внутренней значительности»²⁷. Я бы к этому, пожалуй, добавил, что величие героев проявляется в критических ситуациях и противопоставляется их прежнему поведению и образу жизни. Применительно к Антонию Плутарх подчеркивает это при описании его отступления после поражения под Мутиной: «Во время бегства Антонию пришлось вынести много тяжелых испытаний, и самым тяжелым среди них был голод. Но таков он был от природы, что в несчастиях, в беде превосходил самого себя и становился неотличимо схож с человеком истинно достойным. Правда, всем людям свойственно, потерпев крушение, вспоминать о требованиях долга и чести, но далеко не у каждого хватает при этом силы следовать тому, что он признал достойным, и избегать того, что осудил, – многие по слабости уступают давним привычкам и не слушаются голоса разума. Антоний, однако, в те дни был замечательным примером для своих воинов: после всей роскоши, всего великолепия, которые его окружали, он без малейшей брезгливости пил тухлую воду и питался дикими плодами и кореньями» (Plut. Ant. 17.3–5). Слова «всем людям свойственно...» можно считать ключевыми с точки зрения конструирования образа. Именно то, что свойственно всем людям, ищет Плутарх у своего героя, и потому его герой может вызывать симпатию – в отличие от Антония у Цицерона, который не должен вызывать ничего, кроме отвращения. Однако выиграв в художественности, портрет

²⁶ Аверинцев С.С. Плутарх и античная биография: К вопросу о месте классика жанра в истории жанра. М., 1973. С. 228.

²⁷ Там же. С. 181, 183–184.

Антония при этом приобретает однобокость, и «гуляка праздный» оттесняет на задний план политика, игравшего важную роль как накануне гражданской войны, так и после ее начала.

2. Антоний на Луперкалиях: о чем говорит и о чем умалчивает Цицерон

Особенно интересно то, как редактируется Плутархом и другими более поздними авторами знаменитый эпизод с поднесением диадемы Цезарю во время праздника Луперкалий²⁸. Этому событию посвящено множество работ²⁹, но нас оно будет интересовать не само по себе, в контексте истории диктатуры Цезаря и его гибели, а в связи с формированием образа этого события в дошедших до нас источниках. Цицерон является здесь наиболее ранним из дошедших источников, современником и участником событий, что сделало его свидетельство авторитетным, поэтому неудивительно, что «Филиппики» оказали значительное, если не определяющее влияние на последующую традицию³⁰. Наиболее полное изложение событий дается во второй «Филиппике» – памфлете, который был опубликован 28 ноября 44 г. Если отбросить обвинения в адрес Антония, связанные с его стремлением к царской власти, картина получается следующая: «Твой коллега сидел на рострах, облеченный в пурпурную тогу, в золотом кресле, с венком на голове. Ты поднимаешься на ростры, подходишь к креслу (хотя ты и был луперком, ты все же должен был бы помнить, что ты – консул), показываешь диадему. По всему форуму пронесся стон. Откуда у тебя диадема? Ведь ты не подобрал ее на земле, а принес из дому – преступление с заранее обдуманном намерением. Ты пытался возложить на голову Цезаря диадему среди плача народа, а Цезарь, среди его рукоплесканий, ее отвергал [...] Ты даже пытался возбудить сострадание к себе, ты с мольбой бросался Цезарю в ноги. О чем ты просил его? О том, чтобы стать рабом? Для себя одного ты мог просить об этом; ведь ты с детства жил, вынося все что угодно и с легкостью раболепствуя. Ни от нас, ни от римского народа ты таких полномочий, конечно, не получал. О, прославленное твое красноречие, когда ты нагой выступал

²⁸ Cic. Phil. II.84–87; III.17; V.38; X.17; XIII.17,31,41; Quint. Inst. IX.3.61; Suet. Iul. 79.2; Liv. Per. 116; Vell. II.56.4; Nic. Dam. Aug. 71–75; Plut. Ant. 12; Caes. 61; App. BC.II.109.456–458; Cass. Dio. XLIV.11.1–3; XLV.30–32; XLVI.17.4–5; 19.4–7.

²⁹ См.: *Hohl E.* Das Angebot des Diadems an Cäsar // *Klio*. 1941. Bd. 34. S. 92–117 (с указанием на предшествующую литературу); *Welwei K.W.* Das Angebot des Diadem an Caesar und das Luperkalienproblem // *Historia*. 1967. Bd. 16.1. S. 44–69; *Kraft K.* Der goldene Kranz Caesars und der Kampf um die Entlarvung des «Tyrannen». Mit eimen Nachwort zum Neudruck. Darmstadt, 1969. S. 53–56; *Weinstock S.* Divus Julius. Oxf., 1971. P. 331–340; *Sordi M.* Opposizione e onori: il caso dei Lupercali // *M. Sordi (ed.)*. Fazioni e congiure nel mondo antico. Milano, 1999. P. 151–160; *North J.A.* Caesar at the Lupercalia // *JRS*. 2008. Vol. 98. P. 144–160.

³⁰ Это не исключает и использования в повествованиях деталей, привлеченных из других источников. Так, Аппиан, видимо, наряду с речами Цицерона использовал сочинение Азиния Поллиона (см.: *Pelling C.B.R.* Introduction. P. 27–28).

перед народом! Есть ли что-либо более позорное, более омерзительное, более достойное любой казни?» (Cic. Phil. II.85–86). Менее чем через месяц, 20 декабря, оратор в третьей Филиппике вновь обращается к этому эпизоду: «Поистине, вы не должны считать М. Антония консулом после луперкалий; ведь в этот день, на глазах у римского народа, нагой, умащенный, пьяный, он держал публичную речь и попытался возложить диадему на своего коллегу; в этот день он отрекся не только от консульства, но и от свободы. Ведь и сам он, конечно же, немедленно стал бы рабом, если бы Цезарь пожелал принять от него символ царской власти» (Cic. Phil. III.12).

Это описание в целом соответствует тому, что мы знаем из других источников. Разумеется, детали в них различны, но общая схема сохраняется. В самом общем виде – это присутствующее у латинских авторов упоминание о том, как Антоний поднес Цезарю царскую диадему, во время луперкалий (Liv. Per. 116; Vell. II.56.4; Suet. Iul. 79.2) или без упоминания этого празднества (Flor. II.13.91; De vir. ill. 85.1). При этом только эпитоматор Тита Ливия говорит об участии Антония в беге луперков, остальные латиноязычные авторы указывают лишь на то, что он был консулом и коллегой Цезаря, а Псевдо-Аврелий Виктор вообще не упоминает его официального статуса, называя лишь «спутником Юлия Цезаря во всех походах» (*in omnibus expeditionibus Iulio Caesari comes*). Невозможно сказать, оказал ли на всех этих авторов влияние Цицерон (хотя это очень вероятно – в конце концов, он оставался для них одним из основных «школьных авторов», и его речи они знали великолепно), но их роднит с оратором внимание к официальному статусу Антония. К этому времени пафос Цицерона, обличавшего своего врага за нарушение политического этикета (консул – и бежит обнаженный, пьяный, натертый маслом, да еще и в таком виде держит речь!), утратил свою актуальность, и происшествие заняло место в ряду других событий, которые демонстрировали монархические устремления Цезаря и способствовали росту недовольства им в Риме³¹. Для этих целей, учитывая краткость текстов, приведенной информации было достаточно.

³¹ «Принцип подбора фактов, вошедших в традиционный рассказ, понять нетрудно. В рассказ этот включены факты, которые могли подтвердить содержащееся во всех наших источниках (иногда высказываемое самим автором, иногда приписываемое лишь “врагам Цезаря”) утверждение о стремлении Цезаря к царской власти и царскому титулу. Так, у всех наших авторов мы находим рассказы о непочтительности, проявленной Цезарем по отношению к сенату, о смещении Цезарем народных трибунов Г. Эпидия Марулла и Л. Цезетия Флава, которые пытались лишь оградить Цезаря от опасных для него самого царских почестей, наконец, об инциденте на Луперкалиях в 44 г. до н.э., когда Цезарю от имени народа консулом Антонием была поднесена диадема... К этим трем основным фактам некоторые авторы добавляют и другие подобного же характера. Многочисленные, часто фразеологические, совпадения у наших авторов с несомненностью свидетельствуют о единстве традиции» (Смирин В.М. К вопросу об освещении в античной историографии событий, предшествовавших заговору против Цезаря // ВДИ. 1957. № 1. С. 123).

Иное дело Аппиан, Плутарх и Кассий Дион. Их повествования достаточно пространны и драматичны, поэтому описание приобретает у них развернутый характер и обрастает новыми деталями, вымышленные самими авторами или почерпнутые из других источников (последнее, впрочем, не исключает того, что описание события уже подверглось обычной для античных авторов «художественной обработке»). Стон и плач народа, о которых в общем виде упоминает Цицерон, обретают конкретную причину: у Плутарха и Аппиана Антоний несколько раз пытается поднести диадему Цезарю, тот ее отвергает, и это сопровождается эмоциональной реакцией собравшихся, скорбью и негодованием в первом случае, ликованием во втором. При этом в повествование вносится элемент, которого нет у Цицерона: попытки Антония приветствует некоторая часть присутствующих, правда, довольно немногочисленная. В целом же вся сцена представляется чем-то вроде состязания: по словам Аппиана, Антоний и Цезарь между собой «как будто спорили» (App. BC. II.109.458: διερίζοντων), Плутарх говорит о том, что «борьба между ними тянулась долгое время» (Plut. Ant. 12.5: καὶ πολὺν χρόνον οὕτω διαμαχομένων). В принципе неоднократное повторение попытки Антонием можно было вывести и из слов Цицерона – он употребляет имперфект (Cic. Phil. II.85: *tu diadema inponebas cum plangore populi, ille cum plausu reiciebat*), что, как кажется, указывает здесь на повторяющееся действие³². Однако у Аппиана вся сцена выглядит более прозаично – народ, выразив свое отношение к происходящему, в дальнейшем безмолвствует, наблюдая за действиями протагонистов, и лишь в конце, когда Цезарь отвергает диадему окончательно, встречает это криками одобрения. У Плутарха рассказ гораздо патетичнее, народ выражает одобрение Цезарю каждый раз, причем тянется это все «долгое время» – уточнение, которое, несомненно, должно создать у читателя впечатление, что попыток было не две, о которых упоминает автор, а гораздо больше. При этом совершенно театрально выглядит завершение этого эпизода: «Цезарь спустился с возвышения; не в силах сдержать гнев, он откинул с шеи тогу и кричал, что готов подставить горло любому, кто пожелает лишить его жизни» (Plut. Ant. 12.6).

В этой истории нет ничего невероятного, если принять во внимание широкое распространение демонстративных жестов среди римских политиков. О таком же поведении Бибула в 59 г. рассказывает Аппиан (BC. II.11.39), так что, возможно, обе истории, правдивы они или нет, восходят к одному источнику – сочинению Азиния Поллиона³³. Однако Плутарх здесь производит со своим источником операцию, которая с точки зрения нашего времени выглядит совершенно недопустимой. В биографии Цезаря он помещает подобный эпизод в контекст более ранних событий – Цезарь произносит эти слова дома, в

³² Toher M. Commentary on *The Life of Augustus* // Nicolaus of Damascus: The Life of Augustus and The Autobiography / M. Toher (ed.). Cambr., 2017. P. 312.

³³ Pelling C.B.R. Plutarch. Caesar: Translated with an Introductory and Commentary. Oxf., 2011. P. 449.

кругу друзей, после того как навлек на себя всеобщее недовольство, не встав перед сенаторами (Plut. Caes. 60.6). Для драматизации событий он перемещает всю сцену на более позднее время и делает ее публичной, причем, вероятно, поступает так сознательно³⁴.

Иной способ драматизации событий избирает Кассий Дион, на повествование которого Цицерон, возможно, оказал более сильное влияние. От остальных авторов его отличает очевидный монархический колорит сцены. Здесь Антоний не просто пытается поднести диадему – он вместе с другими луперками приветствует его как царя (βασιλέα... μετὰ τῶν συνιερέων προσηγόρευσε), повязывает ему диадему (διαδήματι ἀνέδησεν) и говорит, что эту диадему его руками вручает Цезарю народ (ὁ δῆμος δι' ἐμοῦ δίδωσιν). За этим следует ответ Цезаря, что царем римлян является только Юпитер, и посвящение диадемы в Капитолийский храм с памятной записью (ὑπομνήματα) о том, что он не принял царскую власть, которую народ предлагал ему при посредстве консула (Cass. Dio. XLIV.11.2).

Последняя подробность особенно любопытна. То, что Антоний отправил диадему в храм Юпитера Капитолийского, сообщают и другие авторы (Nic. Dam. Vita Caes. 73; Suet. Caes. 79.2); но вот памятная запись – это явно заимствованная из Цицерона деталь. Оратор пишет: «Но он даже приказал дополнить запись о Луперкалиях, имеющуюся в фастах: “По велению народа консул Марк Антоний предложил пожизненному диктатору Гаю Цезарю царскую власть. Цезарь ее отверг”» (*etiam adscribi iussit in fastis ad Lupercalia C. Caesari dictatori perpetuo M. Antonium consulem populi iussu regnum detulisse; Caesarem uti noluisse*) (Cic. Phil. II.87). Совпадение здесь практически полное, только Цицерон цитирует эту запись, а Дион ее пересказывает. Интересно, что у Диона двойственность положения Антония, который являлся и луперком, и магистратом, разрешается в пользу консулата: именно статус консула позволяет ему действовать от имени народа; никаких следов праведного гнева Цицерона на нарушение консулом приличий здесь нет, они просто не требуются в этом контексте.

Однако в отличие от Плутарха, который, активно используя «Филиппики» как источник, вообще не упоминает эти речи как факт политической и творческой биографии Цицерона, и от Аппиана, который их не использовал³⁵, хотя и приводит речь, якобы произнесенную Антонием в сенате, а также ответ на нее Л. Пизона, Дион обнаруживает очень хорошее знание их текста. Разумеется, он строит свое повествование по принятым в то время нормам историописания, и для всех четырнадцати речей места у него не находится, как и для многих других деталей ожесточенной борьбы в римском сенате в те дни, когда решалась судьба республики. Однако он komponует из всех «Филиппик» одну речь, очень пространную (XLV.18–47), которую помещает в описание сенатских дебатов 1–4 января 43 г., т.е. в те дни, когда

³⁴ Pelling C.B.R. Commentary. P. 147.

³⁵ Gowing A.M. The Triumviral Narratives of Appian and Cassius Dio. Ann Arbor, 1992. P. 235.

Цицерон произнес пятую и шестую речи, направленные против Антония. Ответом на эту речь является у него столь же пространная речь Кв. Фуфия Калена (XLVI.1–28). Как справедливо подчеркнул Ф. Миллар, Дион в этих двух сбалансированных речах попытался суммировать сложную политическую обстановку начала 43 г.³⁶

Дион, несомненно, проявил хорошее художественное чутье, поместив свою «речь Цицерона» именно в эти дни. Блестящую психологическую характеристику поведения оратора в критических обстоятельствах дал Г. Ферреро: «Во время революции часто случается, что люди пера, робкие, колеблющиеся, даже холодные, на время воспаляются страстью, становятся ловкими, стремительными, неутомимыми, подобно героям. Эта перемена случилась с Цицероном в одиннадцать дней, протекших с последнего сенатского заседания. Забывая о своих дурных предчувствиях, отбрасывая всякий страх и колебание, автор “De Republica”, философ, доктринер понял, что для защиты дела консерваторов нужно обратиться к революционным средствам, и, произнося свою пятую филиппику, бешено напал на Антония; он неизмеримо преувеличивал все его ошибки, объявляя, что речь идет о войне не с партией Цезаря, а с бандой разбойников»³⁷. Скомпилированная Дионом речь отражает этот яростный натиск, она полна нападок на Антония, но эти нападки носят такой же обобщающий характер, как и вся речь. В списке пассажей Кассия Диона, которые являются прямыми отголосками «Филиппик» и который насчитывает 50 параллельных мест³⁸, на пятую филиппику приходится четыре совпадения, на шестую – три, зато на вторую целых пятнадцать, т.е. почти треть всего списка!

Именно здесь Дион воспроизводит упреки за недостойное консула поведение, которые Цицерон адресовал своему врагу: того, что он сделал, обнажившись на Луперкалиях, никогда еще не совершали не то что консулы, но даже ни преторы, ни плебейские трибуны, ни эдилы (οὐχ ὅτι ὑπάτων ἀλλ’ οὐδὲ στρατηγῶν οὐδὲ δῆμαρχων οὐδ’ ἀγορανόμων οὐδεὶς οἶδε πεποηκότα) (XLV.30.2) – «кто ведь не знает, что консульство является общественным достоянием всего народа, и следует всячески оберегать почтение к нему и нигде не обнажаться и не бесчинствовать (τίς γὰρ οὐκ οἶδεν ὅτι ἡ ὑπατεία δημοσία τοῦ δήμου παντός ἐστὶ, καὶ δεῖ τὸ ἀξίωμα αὐτῆς πανταχοῦ σώζεσθαι καὶ μηδαμοῦ μήτε γυμνοῦσθαι μήθ’ ὑβρίζεσθαι)» (XLV.30.5). Итак, устами Цицерона (к которому сам он относится резко отрицательно) Дион дает резко негативную оценку Антония (еще одного отрицательного персонажа его труда) – и воспекает консульство. Гимн этой должности неувидителен, учитывая тот факт, что сам автор

³⁶ Millar F. A Study of Cassius Dio. Oxf., 1964. P. 52.

³⁷ Ферреро Г. Величие и падение Рима. СПб., 1997. Кн. 2. С. 89–90.

³⁸ Gowing A.M. Op. cit. P. 238. N. 34. Детальное сопоставление «речи Цицерона» и второй «Филиппики» провёл К. Бёрден-Стревенс, который показал, что эти две речи в основной части однородны по своей структуре (см.: Burden-Strevens Ch. Cassius Dio's Speeches and the Collapse of the Roman Republic. The Roman History, Books 3–56. Leiden; Boston, 2020. P. 79–84).

сам дважды занимал консульскую должность и вообще «был интегрирован в римскую культуру, использовал и выражал традиционные именно для римской элиты взгляды и идеи, [...] полностью отождествлял себя с сенатом и тем самым брал на себя роль блюстителя той памяти и тех традиций, воплощением которых был римский сенат и которые, в понимании историка, есть основа основ всей римской истории»³⁹.

Оппонентом Цицерона у Диона, как уже говорилось, является Кв. Фуфий Кален, и этот выбор очень интересен. На заседании 1 января именно ему предоставили высказаться первым (Cic. Phil. V.1 (без упоминания имени: *eius, qui primus rogatus est*); X.3,6), и он внес компромиссное предложение отправить к Антонию посольство, с которым и полемизирует Цицерон⁴⁰. Но полемика эта носит безличный характер, т.е. не содержит никаких нападок на самого Калена, и он в пятой и шестой филиппиках даже ни разу не упоминается по имени. Полемика продолжалась и в дальнейшем, но носила такой же характер, без личных выпадов: в восьмой филиппике Кален назван *vir fortis ac sternuus, amicus meus* (Phil. VIII.11), в одиннадцатой оратор говорит о том, что часто был вынужден расходиться с ним в мнениях вопреки своему желанию (*invitus*), но теперь выражает ему признательность за внесенное им предложение объявить врагом Долабеллу (Phil. XI.15). В общем, Кален при всех разногласиях с Цицероном вряд ли был склонен произносить столь страстные обличительные речи. Более того – неясно, выступал ли он после Цицерона вообще. Согласно Аппиану, следующей была речь Л. Кальпурния Пизона, который подверг критике предложения Цицерона (BC. III.54.222–60.248). Это не исключает того, что Кален мог выступить еще раз, с более или менее кратким ответом на речь Цицерона⁴¹. Но так как неприязненные отношения Цицерона и Калена были хорошо известны⁴², он с точки зрения драматизации повествования в гораздо большей степени подходил для произнесения ответной речи, чем Пизон. Кроме того, именно с ним Цицерон в январе – феврале полемизирует наиболее активно. При всей условности таких подсчетов все-таки заслуживает внимания то, что в речах в январе – начале марта 43 г. (т.е. с пятой по одиннадцатую филиппику) Пизон упоминается по имени всего 3 раза, а Кален – 12. Само по себе это ни о чем не говорит, но, возможно, подсказало Диону мысль представить его как главного оппонента оратора.

³⁹ Махлаюк А.В. Историк «века железа и ржавчины». Кассий Дион и его «Римская история» // Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LXIV–LXXX. СПб., 2011. С. 386.

⁴⁰ Об этом заседании сената и выступавших на нем см: Holmes T.R. The Architect of Roman Empire. Oxf., 1928. Vol. 1. P. 38–39, 205.

⁴¹ Drumann W., Groebe P. Op. cit. Bd. 1. S. 442; Münzer F. Calenus // RE. 1910. Hbd. 13. Sp. 206.

⁴² Так, в мае 44 г. оратор писал Аттику: «От Квинта Фуфия прибыл письмомоносец; какое-то письмецо от него с предложением восстановить хорошие отношения с ним. Вполне нелепо, по его обыкновению» (Att. XV.4.1).

Что касается содержания речи, то она, хотя и опирается на источники, современные событиям, в частности – на антицицероновские памфлеты⁴³, разумеется, ничего общего не имеет с речами, произнесенными в сенате в те дни. Она выдержана в жанре римской политической инвективы, которая представляла собой «литературную форму, имеющую своей целью всеми доступными средствами публично унижить (с учетом нравов и этических установок конкретного общества) личность названного по имени противника», и имеет много общего, например, с инвективой против Цицерона, риторическим упражнением, составленным, видимо, во II в. н.э. и дошедшим до нас под именем Саллюстия⁴⁴. Этот жанр сочинений о великом ораторе Ф.Ф. Зелинский удачно назвал «карикатурой на Цицерона» (*Cicerokarikatur*)⁴⁵. Содержательно все эти нападки никак не связаны с политической борьбой того времени, это чисто личные нападки, относящиеся к происхождению, поведению, нраву оратора. Как показал А. Гоуинг, все черты характера, которые приписывает Цицерону Кален, уже раньше Дион показывал при описании событий, в которых оратор участвовал⁴⁶. Речь, таким образом, является его обобщающей характеристикой.

Однако речь Калена не сводится только к «карикатуре на Цицерона», немалое место в ней занимает и апология Антония, который якобы стремился предотвратить установление тирании Цезаря и показать ему истинное отношение народа к его планам (Cass. Dio. XLVI.17.4–8, 19.1–8). Это приводит нас к еще одному очень интересному вопросу. Все, что говорилось выше об эпизоде с диадемой на Луперкалиях, рисует проблему с точки зрения Цицерона. Независимого от того, повлиял ли его рассказ об этом на формирование «канонической» истории этого события непосредственно, или обрабатывался различным образом

⁴³ Münzer F. Op. cit. Sp. 206. Ф. Миллар среди этих источников называет упоминаемые Плутархом (Сис. 41.6) возражения на «Филиппики», сделанные Антонием, сочинение Азиния Поллиона и, в качестве вторичного источника, «Инвективу Саллюстия» (Millar F. Op. cit. P. 53). Недавно это мнение подверг критике К. Бёрден-Стревенс, который считает, что в целом «речь Калена», как и «речь Цицерона», восходит к «Филиппикам», и нет нужды выводить ее из текста источников, которые до нас не дошли (Burden-Strevens Ch. Op. cit. P. 89–90). Выводы исследователя очень интересны и обоснованы, и теснейшая связь «речи Калена» со второй «Филиппикой» доказана с математической точностью, и тем не менее сам К. Бёрден-Стревенс признает, что ряд параграфов в речи, скомпонованной Дионом, вывести из «Филиппики» невозможно. По его мнению, здесь не нужно искать один какой-то конкретный источник, скорее это просто некие специфические и обычные политические аргументы, которые показали Диону достойными воспроизведения (ibid. P. 91–92). В принципе соглашаясь с тем, что в данном случае попытки назвать источник являются сугубо гадательными, хочу все-таки отметить, что невозможность назвать еще не означает того, что такого источника вообще не существовало.

⁴⁴ Новохатько А.А. Инвективы Саллюстия. Вступ. ст., изд. латинского текста, пер. и комм. А.А. Новохатько // ВДИ. 2004. № 2. С. 240, 242.

⁴⁵ Обзор этих карикатур, включая речь Калена, см.: Zielinski Th. Cicero im Wandel der Jahrhunderte. Leipzig; Berlin, 1908. S. 347–356.

⁴⁶ Gowing A.M. Op. cit. P. 147–148.

разными авторами, схема оставалась одна: читателю предлагался спектакль, разыгранный двумя актерами, Антонием и Цезарем, сценарий которого создал то ли один из них, то ли оба. Но все ли говорит Цицерон? Не было ли у сценария и других соавторов? Во всяком случае, «речь Калена», пусть даже она не является историчной, дает взгляд на события с другой стороны и, вероятно, отражает некоторые аспекты пропаганды сторонников М. Антония. Инцидент с диадемой помещается при этом совершенно в иной контекст – не демонстрации монархических устремлений Цезаря, а противостояния им даже среди его близкого окружения. Дополнить рассказ Цицерона позволяет свидетельство еще одного современника, чье повествование сильно отличается от остальной традиции, – «Жизнь Цезаря Августа» Николая Дамасского.

Из-за отличий от основной версии событий ученые доверяют Николаю далеко не всегда. Так, Э. Холь, чье исследование происшествия на Луперкалиях до сих пор остается самым детальным, считает единственной надежной основой для реконструкции рассказ Цицерона⁴⁷; что касается рассказа Николая, «сирийского пропагандиста», как он его именуется, то он вполне соответствует политической тенденции автора⁴⁸. Окончательный приговор Э. Холя суров: «Литератор из Дамаска мог смело демонстрировать миру восточных читателей своих дрессированных уток; ни один римский современник, который хотел, чтобы его восприняли как серьезного информатора, не должен был допускать риск подобного рода; здесь использование волшебной палочки поиска источников является бесполезным видом спорта»⁴⁹. Под влиянием подобного отношения С. Вайнсток вообще отказывается учитывать сообщаемые Николаем сведения в своем исследовании⁵⁰. Однако Э. Холь, выдвигая на первый план Цицерона, не учитывает один важный момент: если даже тот не позволил бы себе прямого вымысла, он вполне мог допустить умолчание, выдвигание на первый план одних фактов и опущение других. В этом смысле, как мне кажется, безусловно прав О.Э. Шмидт: Николай дает более полное изложение событий, в то время как другие ограничились упоминанием одного только главного действующего лица. Но ведь и «литератор из Дамаска» не замалчивает роли Антония, который участвует в событиях с начала до конца!⁵¹ Поэтому сведения, сообщаемые Николаем, являются важным дополнением к данным других источников⁵².

Как происходит дело в его изложении? К Цезарю, сидевшему на рострах «сначала... приблизился Лициний, держа в руках лавровый венок, сквозь который виднелась царская диадема. С помощью своих

⁴⁷ *Hohl E.* Op. cit. S. 102.

⁴⁸ *Ibid.* S. 98.

⁴⁹ *Ibid.* S. 100.

⁵⁰ *Weinstock S.* Op. cit. P. P. 331–332.

⁵¹ *Schmidt O.E.* Die letzten Kämpfe der römischen Republik // *Jahrbücher für classische Philologie.* 1882. Suppl. XIII. S. 675–676.

⁵² *Ibid.* S. 686–687.

коллеги он поднялся на возвышение и положил венок к его ногам (место, с которого Цезарь обычно обращался к народу, было возвышенное). Но так как народ стал кричать, он возложил диадему на его голову. В ответ на это Цезарь позвал к себе начальника конницы Лепида, но тот не решался подойти. Тогда один из заговорщиков, Кассий Лонгин будто бы из расположения к Цезарю, а на самом деле чтобы самому было легче скрывать свой замысел, поторопился снять с него диадему и положить ее ему на колени. Вместе с Кассием был и Публий Каска. В то время как Цезарь отстранял диадему, а народ поднимал приветственные клики, быстро подбежал Антоний, как был в процессии, обнаженный и умышленный, и снова возложил диадему на голову Цезаря. Тогда тот сорвал ее с головы и бросил в толпу. В ответ на это стоявшие далеко стали рукоплескать, а стоявшие впереди кричали, чтобы он принял диадему и не отвергал дара народа. [...] Когда Антоний вторично возложил на него диадему, народ кричал на своем языке: «Да здравствует царь!» Но Цезарь не принял диадемы, а велел отнести ее на Капитолий в храм Юпитера, сказав, что тому она более подходит. И народ снова рукоплескал, как и раньше. <...> Под конец он (Антоний. – Е.С.) обнял Цезаря и передал венец некоторым стоявшим тут же лицам, чтобы они возложили его на голову стоящей поблизости статуи Цезаря, что они и сделали» (Nic. Dam. Vita Caes. 71–73, 75).

Наиболее важное отличие, которое сразу же бросается в глаза, это совершенно иное распределение ролей в сравнении с рассказом Цицерона. Диадему подносит не Антоний, а некий Лициний. Среди магистратов 44 г. человек с таким именем не засвидетельствован, не может последний быть и одним из луперков, т.к. действует с помощью «своих коллег» (συνάρχοντες) – это подразумевает, что он исполнял какую-то должность. Из многих предположений⁵³ наиболее приемлемым кажется то, которое признает это имя искажением имени Л. Цинны, одного из преторов 44 г., который в убийстве Цезаря не участвовал, но его убийц горячо поддержал⁵⁴. Наряду с ним называются два будущих участника убийства диктатора – Г. Кассий и П. Каска⁵⁵. Таким образом, инициатива поднесения диадемы принадлежит здесь лицам, враждебным Цезарю, и весь эпизод приобретает характер провокации, направленной на его дискредитацию⁵⁶. Только после этого в дело вступает Антоний, роль которого не вполне ясна – Николай сообщает о разных ее истолкованиях, которые ходили в народе (Nic. Dam. Vita Caes. 73–74). Далее Николай рассказывает о двух попытках Антония возложить диадему на голову Цезаря – возможно, он был первым ав-

⁵³ Обзор см.: *Toher M. Op. cit. P. 306–307.*

⁵⁴ *Broughton T.R.S. Op. cit. P. 320–321.*

⁵⁵ Относительно последнего существуют сомнения – был ли это Публий или его брат Гай (*Toher M. Op. cit. P. 309*). В данном случае это не имеет принципиального значения, поскольку в заговоре участвовали оба брата.

⁵⁶ *Roberts A. Mark Antony: his Life and Times. Upton-upon-Severn (Worcs.), 1988. P. 91–92.*

тором, который ввел в повествование эту деталь⁵⁷, и завершает помещением диадемы на голову статуи Цезаря.

Отличия от остальной традиции, которые существуют в этой версии событий, уже давно породили сомнения в ее достоверности. Не вдаваясь в тонкости дискуссии, хотелось бы все-таки отметить весомый аргумент в пользу рассказа Николая. У нас нет других сведений об участии в событиях Кассия и Каски, так что предположение о вымысле всей истории кажется обоснованным; однако у Николая есть еще одно действующее лицо – М. Эмилий Лепид, начальник конницы при диктаторе Цезаре, человек, входивший в его ближайшее окружение⁵⁸, которого Цезарь пытается позвать к себе. Об этом тоже не говорит ни один другой источник – и тем не менее эпизод вполне реален, поскольку о нем говорит и Цицерон. Во второй филиппике он даже не упоминает Лепида, но в пятой превозносит его: «Я также считаю, что М. Лепида за его выдающиеся заслуги перед государством следует почтить как можно более высокими почестями. Всегда он желал свободы для римского народа, и величайшее свидетельство своего образа мыслей и взглядов дал в тот день, когда при возложении М. Антонием диадемы на Цезаря он отвернулся, и его стенания и уныние сделали очевидным, насколько он ненавидит рабство, насколько жаждет свободы для римского народа, до какой степени то, что он претерпел, он претерпел скорее в силу крайних обстоятельств, чем в силу своих взглядов» (Cic. Phil. V.38). О поведении Лепида говорится и еще раз, в другой речи: «Римский народ видел его уныние и слезы на Луперкалиях» (Cic. Phil. XIII.17: *Vidit eius maestitiam atque lacrimas populus Romanus Lupercalibus*). Таким образом, и Цицерон, и Николай знают о присутствии Лепида на Луперкалиях и его реакции на происходящее, но оратор во второй филиппике не считает нужным упомянуть его; значит, велика вероятность того, что в целом Николай описывает то, что произошло, более адекватно в сравнении с прочими авторами⁵⁹.

Что касается Цицерона, то нужно иметь в виду, что он писал не историческое сочинение, а политический памфлет, чье содержание определялось требованиями момента. «Борьба за политическую свободу окружила примиряющим светом старческую голову Цицерона и преобразила перед смертью этого податливого, нестойкого, уклончивого политика, этого изворотливого и часто неискреннего оратора в трибуна республиканского гнева», – характеризует великого оратора на завершающем этапе его биографии Р.Ю. Виппер⁶⁰. Его вторая филиппика была «чудной карикатурой, которую многие историки оши-

⁵⁷ Toher M. Op. cit. P. 312.

⁵⁸ Парфёнов В.Н. Триумвир Марк Эмилий Лепид // Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. Л., 1984. С. 127.

⁵⁹ При этом следует иметь в виду, что установить абсолютно точную картину событий невозможно в принципе: в источниках столько расхождений в деталях, что ни один из них не является единственно верным описанием (Toher M. Op. cit. P. 301).

⁶⁰ Bunner P.Ю. Очерки истории Римской империи. Берлин, 1923. С. 320.

бочно приняли за портрет; в ней он излил всю ярость, возникшую из-за нанесенных ему оскорблений»⁶¹. Однако ярость Цицерона была вызвана не только личными оскорблениями, речь шла о принципиальном вопросе – судьбе государства, главной опасностью для которого, по мнению оратора и его единомышленников, являлся Антоний. Целью второй филиппики было не просто показать его порочность, но продемонстрировать, что он хуже Цезаря – ведь тот, в отличие от Антония, «отличался одаренностью, умом, памятью, образованием, настойчивостью, умением обдумывать свои планы, упорством. Вступив на путь войны, он совершил деяния, хотя и бедственные для государства, но все же великие» (Cic. Phil. II.116). В контексте этой речи всякое упоминание о будущих убийцах Цезаря было нежелательно – ведь это те самые люди, которые «впервые с мечами в руках напали не на человека, притязавшего на царскую власть, а на того, кто уже царствовал. Это поступок, славный сам по себе и божественный; он совершен у нас на глазах как пример для подражания – тем более что они стяжали такую славу, какую небо едва ли может вместить» (ibid. 114).

В силу всего этого Цицерон, ничего не выдумывая, «редактирует» события. Первая часть действия остается у него за кадром, нет ни намека на то, кто именно первым предложил Цезарю диадему; это дает ему возможность эффектно обратиться к Антонию с вопросом: «Откуда у тебя диадема? Ведь ты не подобрал ее на земле, а принес из дому – преступление с заранее обдуманной целью» (ibid. 85). Так Антоний превращается в преступника и главного врага свободы римского народа; будущие тираноубийцы остаются в стороне, и даже более того: Антоний превращается в конечном счете в главного виновника гибели диктатора. «Ты, ты, говорю я, убил его Луперкалиями!», – обрушивается на него оратор в тринадцатой филиппике (XIII.31).

Таким образом, событие подверглось своего рода двойному редактированию. Сперва Цицерон, сместив акценты и умолчав о политических невыгодных для его версии фактах, дал впечатляющую картину, центром которой был Антоний, рвущийся к царской власти и при этом не останавливающийся ни перед какими средствами. Затем те авторы, которые опирались на его изложение, устранили обличительный пафос оратора, а вместе с ним – и те детали, которые, являясь специфически римскими, служили оратору материалом для обличений Антония перед римскими гражданами, но которые со временем стали несущественны и неинтересны читателю. Так возник художественный образ того, что произошло на Луперкалиях, нашедший наиболее яркое воплощение у Плутарха.

Литература

- Аверинцев С.С. Плутарх и античная биография: К вопросу о месте классика жанра в истории жанра. М., 1973.
Бокщанин А.Г. Источниковедение Древнего Рима. М., 1981.
Виппер Р.Ю. Очерки истории Римской империи. Берлин, 1923.

⁶¹ Ферреро Г. Указ. соч. С. 74.

- Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. М., 1976.
- Кнабе Г.С.* Древний Рим – история и повседневность. М., 1986.
- Кошеленко Г.А.* Греция и Македония эллинистической эпохи // Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма): Учебное пособие / В.И. Кузищин (ред.). М., 1982. С. 66–117.
- Махлаюк А.В.* Историк «века железа и ржавчины». Кассий Дион и его «Римская история» // *Кассий Дион Коккейан.* Римская история. Книги LXIV–LXXX. СПб., 2011. С. 372–437.
- Новохатько А.А.* Инвективы Саллюстия. Вступит. ст., изд. латинского текста, пер. и комм. А.А. Новохатько // ВДИ. 2004. № 2. С. 240–253.
- Панченко Д.В.* Римские моралисты и имморалисты на исходе республики // Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры. М., 1990. С. 73–80.
- Парфёнов В.Н.* Триумвир Марк Эмилий Лепид // Проблемы социально политической организации и идеологии античного общества. Л., 1984. С. 126–140.
- Смирин В.М.* К вопросу об освещении в античной историографии событий, предшествовавших заговору против Цезаря // ВДИ. 1957. № 1. С. 121–131.
- Ферреро Г.* Величие и падение Рима. СПб., 1997. Кн. 2.
- Broughton T.R.S.* The Magistrates of the Roman Republic. Atlanta; Georgia, 1986. Vol. 2.
- Burden-Strevens Ch.* Cassius Dio's speeches and the collapse of the Roman Republic. *The Roman history.* Books 3–56. Leiden; Boston, 2020.
- Cicero:* Second Philippic Oration / W.K. Lacey (ed.). Warminster, 1986.
- Drumann W., Groebe P.* Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung oder Pompeius, Caesar, Cicero und ihre Zeitgenossen. B., 1899. Bd. 1.
- Gowing A.M.* The Triumviral Narratives of Appian and Cassius Dio. Ann Arbor, 1992.
- Hohl E.* Das Angebot des Diadems an Cäsar // *Klio.* 1941. Bd. 34. S. 92–117.
- Holmes T.R.* The Architect of Roman Empire. Oxf., 1928. Vol. 1.
- Huttner U.* Marcus Antonius und Heracles // Ch. Schubert, K. Brodersen (Hgs.). Rom und der griechische Osten: Festschrift für Hatto H. Schmitt zum 65. Geburtstag. Stuttgart, 1995. S. 103–112.
- Huzar E.G.* Mark Antony. A Biography. Minneapolis, 1978.
- Ijalba Pérez P.* La familia Antonia descendiente de Antón, hijo de Heracles: la manipulación de un mito // *Studia Historica. Historia Antigua.* 2009. Vol. 27. P. 177–186.
- Kraft K.* Der goldene Kranz Caesars und der Kampf um die Entlarvung des «Tyranen». Mit einem Nachwort zum Neudruck. Darmstadt, 1969.
- Le Vite di Demetrio e di Antonio / L.S. Amantini, C. Carena, M. Manfredini (eds.).* Milano, 1995.
- Michel D.* Alexander als Vorbild für Pompeius, Caesar und Marcus Antonius. *Archaeologische Untersuchungen.* Bruxelles, 1967.
- Millar F.* A study of Cassius Dio. Oxf., 1964.
- Münzer F.* Calenus // *RE.* 1910. Hbd. 13. Sp. 204–207.
- North J.A.* Caesar at the Lupercalia // *JRS.* 2008. Vol. 98. P. 144–160.
- Pelling C.B.R.* Plutarch's Method of Work in the Roman Lives // *JHS.* 1979. Vol. 99. P. 74–96.
- Pelling C.B.R.* Plutarch's Adaptation of His Source-Material // *JHS.* 1980. Vol. 100. P. 127–140.
- Pelling C.B.R.* Plutarch Caesar: Translated with an introductory and Commentary. Oxf., 2011.
- Plutarch.* Life of Antony / C.B.R. Pelling (ed.). Cambr., 1988.
- Roberts A.* Mark Antony: his Life and Times. Upton-upon-Severn (Worcs.), 1988.

- Schmidt O.E.* Die letzten Kämpfe der römischen Republik // Jahrbücher für classische Philologie. 1882. Suppl. XIII. S. 666–722.
- Sordi M.* Opposizione e onori: il caso dei Lupercali // M. Sordi (ed.). Fazioni e congiure nel mondo antico. Milano, 1999. P. 151–160.
- Southern P.* Antony and Cleopatra. Cheltenham, 2007.
- Stadter Ph.* Plutarch's Historical Methods: An Analysis of the *Mulierum Virtutes*. Cambr. (Mass.), 1965.
- Toher M.* Commentary on *The Life of Augustus* // Nicolaus of Damascus: The Life of Augustus and The Autobiography / M. Toher (ed.). Cambr., 2017.
- Traina G.* Marco Antonio. Roma; Bari, 2003.
- Weigall A.* The Life and Times of Marc Antony. N.Y., 1921. P. 86, 101–102.
- Weinstock S.* Divus Julius. Oxf., 1971.
- Welch K.E.* Antony, Fulvia and the Ghost of Clodius in 47 B.C. // G&R. 1995. No. 2. P. 182–201.
- Welwei K.W.* Das Angebot des Diadem an Caesar und das Luperkalienproblem // Historia. 1967. Bd. 16.1. S. 44–69.
- Zielinski Th.* Cicero im Wandel der Jahrhunderte. Leipzig; Berlin, 1908.

References

- Averintsev S.S.* Plutarkh i antichnaya biografiya: K voprosu o meste klassika zhanra v istorii zhanra. Moscow, 1973.
- Bokshchanin A.G.* Istochnikovedenie Drevnego Rima. Moscow, 1981.
- Broughton T.R.S.* The Magistrates of the Roman Republic. Atlanta; Georgia, 1986. Vol. 2.
- Burden-Stevens Ch.* Cassius Dio's speeches and the collapse of the Roman Republic. The *Roman history*. Books 3–56. Leiden; Boston, 2020.
- Cicero: Second Philippic Oration* / Lacey W.K. (ed.). Warminster, 1986.
- Drumann W., Groebe P.* Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung oder Pompeius, Caesar, Cicero und ihre Zeitgenossen. B., 1899. Bd. 1.
- Dvoretzkiy I.Kh.* Latinsko-russkiy slovar'. Moscow, 1976.
- Ferrero G.* Velichie i padenie Rima. St. Petersburg, 1997. Book 2.
- Gowing A.M.* The Triumviral Narratives of Appian and Cassius Dio. Ann Arbor, 1992.
- Hohl E.* Das Angebot des Diadems an Cäsar // Klio. 1941. Bd. 34. S. 92–117.
- Holmes T.R.* The Architect of Roman Empire. Oxf., 1928. Vol. 1.
- Huttner U.* Marcus Antonius und Heracles // Ch. Charlotte Schubert, K. Brodersen (Hgs.). Rom und der griechische Osten: Festschrift für Hatto H. Schmitt zum 65. Geburtstag. Stuttgart, 1995. S. 103–112.
- Huzar E.G.* Mark Antony. A Biography. Minneapolis, 1978.
- Ijalba Pérez P.* La familia Antonia descendiente de Antón, hijo de Heracles: la manipulación de un mito // Studia Historica. Historia Antigua. 2009. Vol. 27. P. 177–186.
- Knabe G.S.* Drevniy Rim – istoriya i povsednevnost'. Moscow, 1986.
- Koshelenko G.A.* Gretsia i Makedoniya ellinisticheskoy epokhi // Istochnikovedenie Drevney Gretsii (epokha ellinizma): Uchebnoe posobie / V.I. Kuzishchin (ed.). Moscow, 1982.
- Kraft K.* Der goldene Kranz Caesars und der Kampf um die Entlarvung des «Tyrrannen». Mit eimen Nachwort zum Neudruck. Darmstadt, 1969.
- Le Vite di Demetrio e di Antonio* / L.S. Amantini, C. Carena, M. Manfredini (eds.). Milano, 1995.

- Makhlayuk A.V.* Istorik «veka zheleza i rzhavchiny». Kassiy Dion i yego «Rimskaya istoriya» // *Kassiy Dion Kokkeyan*. Rimskaya istoriya. Books LXIV–LXXX. St. Petersburg, 2011.
- Michel D.* Alexander als Vorbild für Pompeius, Caesar und Marcus Antonius. Archäologische Untersuchungen. Bruxelles, 1967.
- Millar F.* A study of Cassius Dio. Oxf., 1964.
- Münzer F.* Calenus // RE. 1910. Hbd. 13. Sp. 204–207.
- North J.A.* Caesar at the Lupercalia // JRS. 2008. Vol. 98. P. 144–160.
- Novokhat'ko A.A.* Invektivy Sallyustiya. Vstupit. st., izd. latinskogo teksta, per. i komm. A.A. Novokhat'ko // Vestnik drevney istorii. 2004. № 2. P. 240–253.
- Panchenko D.V.* Rimskie moralisty i immoralisty na iskhode respubliki // Che-lovek i kul'tura: Individual'nost' v istorii kul'tury. Moscow, 1990. P. 73–80.
- Parfenov V.N.* Triumvir Mark Emiliy Lepid // Problemy sotsial'no-politicheskoy organizatsii i ideologii antichnogo obshchestva. Leningrad, 1984. P. 126–140.
- Pelling C.B.R.* Plutarch's Method of Work in the Roman Lives // JHS. 1979. Vol. 99. P. 74–96.
- Pelling C.B.R.* Plutarch's Adaptation of His Source-Material // JHS. 1980. Vol. 100. P. 127–140.
- Pelling C.B.R.* Plutarch Caesar: Translated with an introductory and Commentary. Oxf., 2011.
- Plutarch. Life of Antony / C.B.R. Pelling (ed.). Cambr., 1988.
- Roberts A.* Mark Antony: his Life and Times. Upton-upon-Severn (Worcs.), 1988.
- Smirin V.M.* K voprosu ob osveshchenii v antichnoy istoriografii sobyitiy, predshes-tvovavshikh zagovoru protiv Tsezarya // Vestnik drevney istorii. 1957. No 1. P. 121–131.
- Schmidt O.E.* Die letzten Kämpfe der römischen Republik // Jahrbücher für clas-sische Philologie. 1882. Suppl. XIII. S. 666–722.
- Sordi M.* Opposizione e onori: il caso dei Lupercali // M. Sordi (ed.). Fazioni e con-giure nel mondo antico. Milano, 1999. P. 151–160.
- Southern P.* Antony and Cleopatra. Cheltenham, 2007.
- Stadter Ph.* Plutarch's Historical Methods: An Analysis of the *Mulierum Virtutes*. Cambr. (Mass.), 1965.
- Toher M.* Commentary on *The Life of Augustus* // Nicolaus of Damascus: The Life of Augustus and The Autobiography / M. Toher (ed.). Cambr., 2017.
- Traina G.* Marco Antonio. Roma; Bari, 2003.
- Vipper R.Yu.* Ocherki istorii Rimskoy imperii. B., 1923.
- Weigall A.* The life and times of Marc Antony. N.Y., 1921. P. 86, 101–102.
- Weinstock S.* Divus Julius. Oxf, 1971.
- Welch K.E.* Antony, Fulvia and the Ghost of Clodius in 47 B.C. // G&R. 1995. No. 2. P. 182–201.
- Welwei K.W.* Das Angebot des Diadem an Caesar und das Luperkalienproblem // Historia. 1967. Bd. 16.1. S. 44–69.
- Zielinski Th.* Cicero im Wandel der Jahrhunderte. Leipzig; Berlin, 1908.
- Поступила в редакцию / Received 09.07.2021.
 Принята к публикации / Accepted 29.11.2021.
 Опубликована / Published 25.12.2021.